

Зеркало

Вера Тёмная

18+

Вера Тёмная

Зеркало

«Автор»

2026

Тёмная В.

Зеркало / В. Тёмная — «Автор», 2026

Старший следователь убойного отдела Артем Ковалев охотится на серийного убийцу, который методично уничтожает его бывших информаторов. У жертв находят улики, связанные с аварией пятилетней давности — той самой, в которой погибли жена и дочь Артема. Проблема в том, что улики указывают на него самого. После аварии Артем страдает провалами в памяти. Он просыпается в незнакомых местах, не помнит целые ночи и находит у себя чужие вещи. Когда на очередном месте преступления он приходит в себя с монтировкой в руке, а рядом лежит труп, сомнений не остается: убийца — он сам. Или кто-то, кто управляет его разумом. Расследование приводит Артема к шокирующей правде: он — часть секретного эксперимента «Зеркало». У него есть брат-близнец, которого он забыл. Их психики связаны, и пока Артем пытается вспомнить, брат пытается выжить — потому что следующей жертвой должен стать он. Психологический триллер о природе памяти, цене лжи и силе родства, которое невозможно разорвать.

© Тёмная В., 2026

© Автор, 2026

Вера Тёмная

Зеркало

Пролог

Тишина звенит в ушах громче любой сирены.

Артем Ковалев открыл глаза и увидел бетонный потолок в разводах ржавчины. Воздух пах железом, мочой и чем-то сладковатым, что он слишком хорошо знал по работе. Кровь.

Он попытался пошевелиться, и тело отозвалось тупой болью в затылке. В правой руке что-то было зажато — тяжелое, холодное. Он скосил глаза: монтировка. Испачканная в темном.

Сердце ударило раньше, чем включился разум.

Он резко сел. Рядом лежал мужчина. Вернее, то, что от него осталось. Лицо превратилось в месиво, но одежда — серая ветровка, джинсы — казалась смутно знакомой. Артема замутило, но рвоты не было. Организм будто помнил, что это не первый раз.

«Вставай. Беги. Сейчас».

Он не знал, чей это голос — инстинкта или чего-то похуже. Но когда он услышал внизу, тремя этажами ниже, хлопок двери и характерный треск полицейской рации, ноги сработали сами.

Артем попятился от трупа. На бетонном полу остались отпечатки его ботинок. Выход на крышу. Только вверх.

Он взлетел по ржавой лестнице, плечом выбил люк. Холодный ноябрьский дождь хлестнул по лицу, смывая чужую кровь и возвращая зрение. Город внизу жил своей жизнью: оранжевые фонари, мокрый асфальт, далекий лай собак. Мир, в котором он был не убийцей, а старшим следователем убийного отдела.

Но прямо сейчас это была ложь.

Артем посмотрел на монтировку в своей руке. Пальцы не разжимались. Он с трудом заставил их подчиниться. Металл со стуком упал на рубероид.

«Кто это? Почему я здесь?»

Вместо ответа память услужливо подсунула картинку: слепящий свет фар. Визг тормозов. Детский крик.

Авария. Пять лет назад. Серая фура на трассе.

Он зажмурился. Эти картинки всегда приходили в моменты стресса. Они были его якорем. Напоминанием, кто он на самом деле. Жертва. Не преступник.

Синие сполохи мигалок ударили по сетчатке. Два патруля перекрыли выезды со двора. Сейчас начнут прочесывать здание.

Артем вытер лицо ладонью, размазывая кровь и дождь. Он знал, куда они пойдут в первую очередь. Знал, как мыслят эти ребята, потому что сам был одним из них еще сегодня утром.

Он отступил на край крыши. Пожарная лестница. Если повезет, спустится в соседний двор раньше, чем оцепление замкнется.

Но был вопрос, который стучал в висках сильнее страха:

Если он убил этого человека... значит, он и есть тот самый маньяк, которого ищет весь отдел?

Или кто-то методично загоняет его в ловушку, зная о его провалах в памяти?

Дождь усилился. Артем перемахнул через парапет и начал спуск. Монтировка осталась лежать на крыше — единственная улика, связывающая его с убийством.

Глава 1. Утро после склада

Часть 1.1 — Квартира

Дождь закончился только к рассвету.

Артем сидел на кухне и смотрел, как серый ноябрьский свет заползает в окно. Он не включал лампу — темнота была честнее. В темноте не видно крови под ногтями.

Квартира молчала. Раньше по утрам здесь играло радио, пахло кофе и Соня требовала блины. Теперь тишина стояла такая плотная, что ее можно было резать ножом. Артем иногда разговаривал с пустотой — просто чтобы проверить, не разучился ли говорить.

Он сидел в одних джинсах, босиком на холодном полу. Футболку он выбросил в мусоропровод еще ночью — она была в крови. Теперь на спинке стула висела чистая, серая, без единого пятна. Символ нового дня. Чистый лист. Ложь.

На столе лежал телефон. Экран светился — три пропущенных от Кати и одно сообщение: «Ты живой? Или твой труп уже остывает где-то в канаве?»

Артем не улыбнулся, но мышцы лица дернулись — почти рефлекс. Она всегда так писала. У них была такая игра. Черный юмор, флирт на костях. Она думала, что это круто — спать со следователем, который каждый день смотрит в глаза смерти. Она не знала, что иногда он сам был этой смертью.

Он набрал ответ: «Живой. Скоро буду. Американо черный».

Душ. Горячая вода до красных пятен на плечах. Он стоял, упершись лбом в холодный кафель, и пытался вспомнить.

Склад. Бетонный пол. Монтировка. Лицо.

Нет, лица не было. Была вспышка. Слепящий свет фар. Визг тормозов. И детский крик — тонкий, захлебывающийся, невыносимый.

Он ударил кулаком по кафелю. Боль отрезвила.

Это авария. Не отвлекайся. Это прошлое. Ты — жертва.

Но руки помнили другое: тяжесть металла, хруст костей под ударом. Тело помнило то, что разум отказывался принимать.

Он выключил воду. Вытерся жестким полотенцем. Посмотрел на себя в зеркало — и отвел взгляд.

В прихожей он задержался у фотографии на стене. Анна и Соня смотрели на него с того света. Анна улыбалась так, будто знала всё. Соня держала плюшевого медведя за ухо и смеялась.

— Я найду его, — сказал Артем вслух. — Я найду того, кто это сделал.

Он говорил это каждое утро. И каждое утро верил.

Часть 1.2 — Кофейня «Темп»

Дорога до участка занимала пятнадцать минут пешком. Артем всегда ходил через кофейню «Темп». Не потому что кофе был хорошим — он был посредственным. А потому что там была Катя.

Кофейня пригулилась между обувной мастерской и ломбардом, в старом кирпичном доме с облупившейся штукатуркой. Внутри пахло корицей и жженым сахаром, играла инди-музыка, и на стенах висели черно-белые фотографии каких-то неизвестных музыкантов. Катя говорила, что это ее друзья. Артем подозревал, что она их просто скачала из интернета.

Когда он вошел, она стояла за стойкой и протирала кофемашину с таким видом, будто это была сложнейшая операция на открытом сердце. Увидела его — и демонстративно взглянула на часы.

— Ого. Следователь Ковалев в такую рань? Либо ты не спал, либо случилось что-то интересное.

— Не спал.

— Черный американо, без сахара, без души, — продекламировала она и потянулась за стаканчиком. Ее пальцы мелькали быстро, привычно. — Слушай, а правда, что вчера на Сортировочной опять труп нашли?

Артем замер. Всего на долю секунды, но она заметила.

— Откуда ты знаешь про Сортировочную?

— У меня уже три твоих коллеги сегодня были, — она кивнула на столик у окна, где сидели двое оперов из его отдела — молодые, незнакомые. — Все злые как собаки. Говорили, какой-то бомж позвонил в три ночи. Склад на Сортировочной. Жесткое убийство. А ты что, не в курсе?

Она смотрела на него слишком пристально. Артем знал этот взгляд — так смотрят не бариста, так смотрят люди, которые задают вопросы, на которые уже знают ответы.

— Я еще не был в участке.

— Странно. Ты же главный по мокрым делам. Разве не тебя должны были вызвать первым?

— Меня отключают на ночь. У меня режим.

Катя фыркнула:

— У тебя? Режим? Ты либо врешь, либо у тебя появилась другая женщина.

Она протянула ему стаканчик. Их пальцы соприкоснулись — она специально задержала руку на секунду дольше. Ее кожа была теплой, а глаза — холодными и внимательными.

— Катя, ты слишком много вопросов задаешь.

— Я любопытная. Это мое лучшее качество.

— Нет. Твое лучшее качество — это кофе. И то, если честно...

— Ах ты, сволочь неблагодарная, — она засмеялась, но смех вышел натянутым. — Ладно, иди, расследуй свои трупы. Вечером расскажешь подробности.

— Я не рассказываю подробности. Ты знаешь.

— Ой, да брось. Ты мне всё рассказываешь. Просто ты этого не помнишь.

Она сказала это в шутку. Но Артема будто током ударило.

Просто ты этого не помнишь.

Он резко развернулся и вышел, не попрощавшись. На улице он выбросил нетронутый кофе в урну и глубоко вдохнул холодный воздух.

Что он ей рассказывал? Когда? В те моменты, когда его сознание отключалось?

Телефон пиликнул в кармане. Катя: «Ты врешь. Но я умею ждать :)»

Он не ответил.

Часть 1.3 — Участок

Убойный отдел располагался на третьем этаже старого здания УВД. Коридоры пахли хлоркой и дешевым табаком, лампы дневного света противно жужжали, и краска на стенах облупилась ровно в тех местах, где за пятнадцать лет сотрудники привыкли опираться плечом.

Артем поднимался по лестнице медленно, как на эшафот. Каждая ступенька отдавалась гулом в голове. Он пытался собрать воедино то, что знал:

Сортировочная. Склад. Труп мужчины. Бомж позвонил в три ночи. Мои коллеги уже там были. Меня не вызвали.

Последнее беспокоило больше всего. Почему его не вызвали? Он был старшим следователем. Если только...

Если только его уже не подозревают.

В кабинете его ждал напарник — Илья Рогов, грузный мужик сорока пяти лет с вечно красным лицом и одышкой. Он сидел за своим столом и пил чай из пластикового стаканчика. Увидел Артема — кивнул.

— О, блудный сын вернулся. Я тебе звонил три раза.

— Телефон сел.

— Угу. И домой я тебе звонил. И Катке твоей в кофейню.

Артем напрягся, но голос подал ровно:

— Я был... гулял. Не спалось. Что случилось?

Рогов отставил чай и придвинул к себе папку.

— Сортировочная, 14. Заброшенный склад текстильной фабрики. В три часа ночи бомж услышал крики, вызвал ментов. Приехали — а там мясо. Жмура опознали почти сразу. Кличка Крот. Слышал о таком?

Артем кивнул, стараясь не выдать волнения:

— Информатор. Работал с наркотой. Давно его не видел.

— Ага. И знаешь, что самое интересное? — Рогов достал из папки фотографию и подвинул через стол. — На нем была твоя визитка. В кармане ветровки. Старая, замызганная, но твоя.

Тишина в кабинете стала осязаемой. Артем смотрел на фотографию и чувствовал, как холод поднимается откуда-то из живота к горлу.

— Я не видел Крота года два. Может, больше.

— Я знаю. Я и не говорю, что ты с ним встречался. Просто странно, да? Парень носит с собой визитку следователя, с которым не работал два года. А потом его находят мертвым на заброшенном складе с проломленным черепом.

Артем взял фотографию. Ветровка. Серая. Та самая. И лицо — разбитое, неузнаваемое.

— Кто ведет дело? — спросил он.

— Пока Громов из райотдела. Но начальство хочет передать нам. Ты же у нас спец по серийным...

— Почему серийным?

Рогов снова полез в папку.

— Потому что это не первый. Три месяца назад был труп на стройке в Заречье. И два месяца назад — в коллекторе у речного вокзала. Оба с проломленными черепами. Оба — бывшие информаторы. И у обоих в карманах находили странные вещи. У первого — детский рисунок. У второго — чью-то фотографию.

— А у Крота?

— У Крота — твоя визитка, — Рогов пристально посмотрел на Артема. — И еще кое-что. В его руке был зажат клочок бумаги с номером машины. Той самой. Серой фуры.

Мир качнулся. Артем вцепился в край стола, чтобы не упасть.

— Фура не найдена. Тот водитель исчез.

— Я знаю. Но Крот, видимо, что-то нарыл. И это «что-то» стоило ему жизни.

Рогов поднялся и тяжело хлопнул Артема по плечу.

— Ковалев, я знаю, что это твое больное место. Но ты должен держать себя в руках. Если эта тварь как-то связана с аварией... ты имеешь право знать первым. Но не лезь в это один. Понял?

Артем кивнул, хотя уже не слышал его. В ушах звенело.

Три трупа. Три бывших информатора. И ниточки, ведущие к аварии.

Либо кто-то методично уничтожает всех, кто может раскрыть правду о гибели его семьи.

Либо он сам.

После разговора с Роговым в участке, но до вечерней встречи с Катей, Артем поехал в вырезатель.

Он знал, что это риск. Бомж был единственным свидетелем — он слышал крики, видел, возможно, кого-то выходящим со склада. Если он опознает Артема... Но не поехать было нельзя. Отказ от допроса единственного свидетеля выглядел бы подозрительно.

Вытрезвитель располагался в подвале районного ОВД — помещение с кафельными стенами, лампами дневного света и неистребимым запахом перегара, хлорки и человеческого отчаяния. Дежурный фельдшер, молодая женщина с уставшим лицом, провела Артема в «палату» — комнату с четырьмя койками, на трех из которых спали люди.

— Вот ваш свидетель, — сказала она, указывая на четвертую койку. — Фамилии не знаем, документов нет. Назовем его пока гражданин Иванов. Проспался уже, но голова болит. Допрашивайте, только недолго.

Бомж сидел на койке, завернувшись в казенное одеяло. Это был мужчина неопределенного возраста — может, пятьдесят, может, семьдесят. Лицо — морщинистое, обветренное, с синяком под левым глазом. Руки тряслись. Пахло от него так, что Артем невольно отступил на шаг.

— Гражданин Иванов? — Артем присел на соседнюю койку. — Я следователь Ковалев. Хочу задать вам несколько вопросов о прошедшей ночи.

— А выпить есть? — прохрипел бомж.

— Нет. Но если поможете — я договорюсь, чтобы вас отпустили пораньше.

— Отпустили... — Бомж усмехнулся беззубым ртом. — Куда отпустили? На улицу? Там холодно.

— Тогда поговорим здесь. Вы вызвали полицию в три часа ночи. Сказали, что слышали крики на складе текстильной фабрики. Это правда?

— Правда. Кричали. Двое.

— Двое? Вы уверены?

Бомж наморщил лоб, вспоминая.

— Сначала один кричал. Долго. Страшно так, будто резали. Потом затих. Потом второй. Но второй не кричал — он говорил.

Артем почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Что говорил?

— Я не разобрал. Далеко было. Но тон был такой... спокойный. Как будто лекцию читал. А потом тишина.

— Вы видели кого-нибудь? Кто-нибудь выходил со склада?

Бомж прищурился и вдруг посмотрел на Артема внимательно — слишком внимательно для человека, который только что просил выпить.

— Высокий, — сказал он медленно. — В темной куртке. Вышел примерно через полчаса после того, как стихли крики. Постоял у входа, закурил. Потом ушел в сторону гаражей.

— Вы можете описать его лицо?

— Темно было. Лица не видел. Но... — бомж замялся. — Он хромал. На левую ногу. И еще — он потирал вот здесь. — Бомж коснулся своего виска. — Как будто голова болела.

Артем перестал дышать.

Хромота на левую ногу. Последствие аварии. И жест — потирание виска. Его собственный жест. Его привычка.

Бомж смотрел на него, и в его мутных глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание.

— Следователь... — прошептал он. — А вы не...

— Спасибо за показания, — резко сказал Артем, вставая. — Вы свободны. Я распоряжусь.

Он вышел из палаты быстрее, чем нужно. В коридоре его догнала фельдшер.

— Он вас узнал? — спросила она буднично, заполняя какие-то бумаги.

— Что?

— Ну, Иванов этот. Он всем говорит, что узнает людей по походке. Даже пьяный. Говорит, раньше сапожником был, привык на ноги смотреть. Узнал кого-то?

— Нет, — сказал Артем. — Никого он не узнал.

Он вышел на улицу и закурил. Руки дрожали.

Бомж видел его. Бомж описал его хромоту и его привычку. И бомж его узнал.

Если этот свидетель попадет к нормальному следователю — не к Рогову, а к кому-то из райотдела, — Артему конец.

Он стоял на крыльце вырезвителя и думал о том, что должен сделать. Убрать свидетеля? Или положиться на то, что бомжу никто не поверит?

Телефон завибрировал. Рогов.

— Ковалев, ты где?

— В вырезвители. Допрашивал свидетеля.

— И как?

— Он меня опознал.

Тишина в трубке.

— Приезжай в гараж, — сказал наконец Рогов. — Срочно.

Глава 2. Блог «Нулевой отдел»

Часть 1. Кофе и наблюдение

Катя Соболева устроилась в «Темп» не ради зарплаты.

Зарплата была маленькой, чаевые — копеечными, хозяин — вредным, а часы работы — неудобными. Но кофейня находилась ровно напротив убойного отдела, и каждое утро через ее двери проходило полдюжины оперов, следователей и криминалистов. Они пили кофе, жевали булки и разговаривали. А Катя слушала.

Она записывала всё. Не в блокнот — блокнот могли найти. Она записывала в голову, а вечером, дома, переносила в зашифрованный файл на ноутбуке. Имена, даты, детали. Кто с кем спит, кто на кого злится, кто провалил дело, а кто неожиданно раскрыл. Всё это шло в блог «Нулевой отдел» — анонимный тру-крайм проект, который за два года существования набрал пятьдесят тысяч подписчиков и репутацию «самого осведомленного источника о работе полиции».

Никто не знал, что «Нулевой отдел» ведет бариста из кофейни напротив участка. Даже Артем.

Особенно Артем.

Часть 2. Первая встреча

Она заметила его в первый же день.

Высокий, сутулый, с сединой на висках и взглядом, который не задерживался на людях дольше секунды. Он вошел, заказал черный американо без сахара, расплатился мятыми купюрами и сел у окна. Не пил — просто держал стаканчик в руках и смотрел на улицу.

— Кто это? — спросила Катя у напарницы, кивая на незнакомца.

— Ковалев. Старший следователь по особо важным. Говорят, лучший в городе. И самый странный.

— Чем странный?

— Ну, у него семья погибла. Жена и дочка. Авария. После этого он стал... ну, ты видишь.

Катя видела. Она видела человека, который носит свое горе как старую куртку — не снимает, не стирает, не показывает другим, но сам всегда помнит, что она на нем.

Она решила узнать о нем больше. Просто из профессионального любопытства. Так она себе говорила.

Через неделю она знала всё. Что его жену звали Анной, а дочку — Соней. Что авария произошла на трассе М-4, и водитель фуры, которая якобы спровоцировала столкновение, не найден до сих пор. Что Ковалев пять лет искал его, поднял все связи, потратил все сбережения и чуть не лишился должности. Что он живет один, не пьет, не курит (тогда еще не курил) и ни с кем не общается, кроме напарника Рогова.

Что у него красивые руки. И что он никогда не улыбается.

Последнее было не профессиональным. Но именно оно зацепило ее сильнее всего.
Часть 3. Сближение

Первый разговор случился через месяц.

Был поздний вечер, кофейня закрывалась. Артем зашел за пять минут до конца смены — уставший, с красными глазами, в помятой рубашке.

— Уже закрыто? — спросил он.

— Вообще-то да. Но для вас — последний американо.

— Спасибо.

Она варила кофе, а он стоял у стойки и молчал. Потом вдруг спросил:

— Вы всегда работаете допоздна?

— Когда как. А вы всегда работаете по ночам?

— Почти всегда.

— Тяжелое дело?

— Все дела тяжелые. — Он помолчал. — Но это — особенно.

— Расскажите?

— Нет. Вам это не понравится.

— Я люблю, когда мне не нравится. Это значит, что история правдивая.

Он посмотрел на нее — впервые за все время их знакомства не скользнул взглядом, а задержался. И вдруг спросил:

— Как вас зовут?

— Катя. А вас — Артем Андреевич. Я знаю. Я внимательная.

— Это хорошо, — сказал он. — Или плохо. Не знаю пока.

И ушел.

На следующий день он пришел снова. И через день. И еще через день. Они не говорили о делах — только о погоде, о музыке, о фильмах. Катя узнала, что он любит старое кино и ненавидит соцсети. Что он читает на ночь не детективы, а исторические романы. Что его любимая группа — «Аквариум», и он до сих пор помнит все аккорды «Поезда в огне».

Через три месяца он пригласил ее на свидание. Через пять — она впервые осталась у него на ночь.

Утром она увидела фотографию жены и дочери на стене и ничего не сказала.

Через семь — он впервые заговорил во сне. Это был не разговор — крик. Он кричал: «Аня, держи Соню, держи!» — и просыпался в холодном поту. Катя обнимала его и молчала.

Через девять — он рассказал ей о провалах в памяти.

— Иногда я теряю время, — сказал он глухо. — Час, два, целую ночь. Я просыпаюсь и не знаю, где был. Это началось после аварии. Врачи говорят — посттравматическое. Я пью таблетки. Они не помогают.

— Ты помнишь, что ты делаешь в это время?

— Нет. Но иногда я нахожу вещи. Не мои. Или мои, но в странных местах. Как будто кто-то живет моей жизнью, пока меня нет.

Катя тогда не сказала ему, что записала этот разговор. Что внесла его в файл. Что начала отдельное расследование — уже не для блога, а для себя.

Она не сказала ему, что однажды ночью, когда он «отключился», он встал, оделся и вышел из квартиры. А она поехала за ним.

И видела, как он сел в машину и поехал на другой конец города. Видела, как он вышел у заброшенной стройки. Видела, как через час вернулся — с кровью на рукаве.

На следующий день в новостях передали: на стройке в Заречье обнаружен труп мужчины. Убит тупым предметом. Личность устанавливается.

Катя ничего не сказала Артему. Но с того дня она начала собирать доказательства. Не чтобы сдать его. А чтобы понять.

Потому что она любила его. И хотела спасти — даже если он сам не хотел быть спасенным.

Часть 4. Блог

Пост под названием «Убийца с провалами в памяти: реальная история из закрытого расследования» появился в блоге «Нулевой отдел» через неделю после убийства Сома.

Катя писала его три дня. Она изменила все имена, все даты, все места. Следователь стал «господином Х», город — «Н-ском», жертвы — «бывшими информаторами». Но те, кто умел читать между строк, могли догадаться.

Она описывала убийцу не как монстра, а как жертву. Она писала о том, как травма может сломать психику. О том, как мозг защищает себя от реальности. О том, что человек может совершать преступления в состоянии диссоциации и не помнить об этом.

Пост набрал двести тысяч просмотров за неделю.

Комментарии разделились. Одни говорили: «Это художественный вымысел, такого не бывает». Другие: «Я знаю такой случай, у меня родственник страдает провалами». Третьи: «Если убийца не помнит своих преступлений, должен ли он нести наказание?».

А потом пришло первое анонимное письмо.

«Ты знаешь, кто такой господин Х. Ты знаешь, что он сделал. Но знаешь ли ты, почему? Проект «Зеркало». Поищи в архивах Института психиатрии за 1970-е. И найди его брата».

Катя прочитала письмо десять раз. Потом удалила. Потом восстановила из корзины. Потом начала искать.

Так она узнала о проекте «Зеркало». О двух парах близнецов. О женщине по имени Елена Ковалева, матери Артема. И о мальчике по имени Костик, который пропал в восемь лет и считался утонувшим.

Она не рассказала Артему. Она ждала. Ждала, когда он будет готов. Ждала, пока соберет все факты. Ждала, пока поймет, кто пишет ей эти письма и зачем.

А потом на складе на Сортировочной убили Крота.

И всё завертелось.

Часть 5. Сегодня

Сейчас Катя сидела в пустой кофейне, закрытой для посетителей, и перечитывала последнее письмо.

«Твой следователь — не тот, кем кажется. Спроси его про реку».

Она знала про реку. Она знала про Костика. Она знала, что брат Артема жив и следит за ними. Знала, что есть еще кто-то — другая пара близнецов, Мельниковы, и что они опасны.

Чего она не знала — так это того, что делать дальше.

Отправить Артему фотографию с двумя мальчиками? Да, она уже сделала это. Рассказать ему всё, что знает? Нет — пока нет. Она боялась, что правда его уничтожит. Что он не выдержит. Что провалы станут чаще, и однажды он убьет кого-то еще — или себя.

Она открыла ноутбук и начала писать новый пост. Не для блога. Для себя.

«Что делать, когда человек, которого ты любишь, — не тот, кем кажется? Когда его прошлое — это бомба, заложенная еще до его рождения? Когда каждое его объятие может оказаться последним, потому что завтра он проснется другим?»

Я не знаю. Но я знаю одно: я не уйду. Я буду стоять на этом мосту, пока он не перейдет его. Или пока мост не рухнет».

Она закрыла ноутбук и посмотрела на часы. Скоро придет Артем. Она нальет ему американо без сахара. Он скажет «спасибо» и не улыбнется.

А она улыбнется — за двоих.

Глава 3. Склад

Часть 3.1 — Место преступления

Сортировочная, 14 встретила их запахом плесени и крысиного яда.

Артем вышел из служебной «Лады», которую вел Рогов, и сразу закурил. Он бросил три года назад, но сегодня пачка «Винстона» сама оказалась в кармане, будто ждала этого момента. Дым обжег горло, и на секунду стало легче — тело получило свой яд, разум чуть отпустило.

Заброшенная текстильная фабрика высилась перед ними серой бетонной коробкой. Выбитые окна смотрели на мир как пустые глазницы. Колючая проволока по периметру провисла и местами лежала на земле. Ворота были распахнуты — там уже работала следственная бригада.

— Ты как? — спросил Рогов, глуша мотор.

— Нормально.

— Врешь. Ты белый как мел. Может, подождешь в машине?

— Я сказал — нормально.

Они прошли через проходную, где молоденький сержант попытался их остановить, но, узнав Ковалева, сразу отступил. Слава «главного по мокрым делам» имела свои преимущества — никто не задавал лишних вопросов.

Внутри было темно и холодно. Аварийное освещение не работало, и криминалисты расставили переносные прожекторы, которые заливали помещение мертвенным белым светом. Тени плясали на бетонных стенах, как немое кино.

Тело всё еще было там.

Артем остановился в дверях цеха и заставил себя смотреть. Крот лежал в той же позе, в какой он его оставил — раскинув руки, лицом вверх. Вернее, тем, что от лица осталось.

Криминалисты уже обвели тело мелом и расставили желтые маркеры рядом с пятнами крови. Эксперт в белом комбинезоне стоял на коленях и пинцетом собирал что-то с бетонного пола.

— Ковалев, — кивнул эксперт, не оборачиваясь. — Слышал, это твой клиент?

— Бывший информатор. Давно не работали.

— Ага. Ну, у твоего бывшего информатора кто-то очень сильно не любил его лицо. Ударов примерно пятнадцать-двадцать. Орудие — что-то металлическое, тяжелое. Монтировка, возможно, обрезок трубы. Точнее скажу после вскрытия.

Артем молча кивнул и присел на корточки рядом с телом. Он заставлял себя вести себя как следователь, а не как убийца, заметающий следы.

— Время смерти?

— Между одиннадцатью вечера и часом ночи. Трупное окоченение еще не полное. Бомж, который вызвал полицию, сказал, что слышал крики около двенадцати. Кричали двое.

— Двое?

— Ну, или один кричал, а второй... слушал. Бомж был пьяный, показания путаные. Сейчас его увезли в вырезатель, будешь допрашивать — езжай туда.

Артем выпрямился и оглядел помещение. Склад был большим — метров триста квадратных. Старые ткацкие станки стояли вдоль стен, накрытые пыльным брезентом. Бетонный пол был испещрен трещинами и пятнами машинного масла. В углу он заметил лестницу на второй ярус — ту самую, по которой поднимался несколько часов назад.

Не смотри туда. Не показывай, что ты здесь уже был.

— Свидетели есть?

— Кроме бомжа — никого. Район глухой, камер нет. Но есть кое-что интересное. Иди сюда.

Эксперт поднялся и подвел его к стене рядом с телом. На бетоне было что-то написано. Артем пригляделся и почувствовал, как кровь стынет в жилах.

«КОГДА ВСПОМНИШЬ — БУДЕТ ПОЗДНО»

Буквы были выведены кровью. Уже подсохшей, бурой, но все еще различимой.

— Это писали пальцем, — сказал эксперт. — Либо жертва перед смертью, либо убийца после. Мы взяли образцы, но группа крови совпадает с жертвой. Так что, скорее всего, писал Крот.

— Послание, — прошептал Артем.

— Похоже на то. Адресованное кому-то конкретному. Может, тебе?

Рогов, стоявший в стороне, хмыкнул:

— Или убийце. Типа, «ты забыл что-то важное, приятель, и когда вспомнишь — тебе конец».

Артем ничего не ответил. Он смотрел на буквы и чувствовал, как что-то внутри него сжимается в тугий узел.

Когда вспомнишь...

Что именно он должен вспомнить? И что будет, когда это случится?

Морг городской судебно-медицинской экспертизы располагался в отдельном здании на территории областной больницы. Артем бывал здесь сотни раз — следователи обязаны присутствовать при вскрытии в особо важных случаях. Но сегодня каждый шаг по длинному белому коридору давался ему с трудом.

Запах формалина, который раньше казался просто частью работы, теперь вызывал тошноту. Потому что сегодня на столе патологоанатома лежал человек, которого Артем убил.

— Ковалев, ты какой-то зеленый, — заметил патологоанатом, доктор Зорин, немолодой мужчина с огромными руками, которые, казалось, не могли принадлежать человеку, работающему со скальпелем. — Опять не завтракал?

— Не завтракал.

— Зря. На голодный желудок тут делать нечего. Ладно, проходи, сейчас начнем.

Тело Крота лежало на металлическом столе, накрытое простыней. Зорин включил диктофон, надел перчатки и откинул ткань.

— Наружный осмотр. Мужчина, на вид сорок-сорок пять лет. Множественные повреждения лицевого скелета и свода черепа. Раны нанесены тупым предметом с металлической поверхностью. Предположительно — монтировка или обрезок трубы.

Артем смотрел на лицо Крота — вернее, на то, что от него осталось, — и чувствовал, как внутри всё сжимается. Он не помнил, как наносил эти удары. Но его тело помнило. Его руки помнили тяжесть металла.

— Фиксирую следы борьбы, — продолжал Зорин. — Гематомы на предплечьях — жертва пыталась защищаться. Под ногтями — частицы кожи. Возможно, удалось достать ДНК нападавшего.

Артем замер.

— ДНК?

— Ага. Парень сопротивлялся, это точно. Под ногтями у него — микрочастицы. Если повезет, выделим профиль. Ты же знаешь, сейчас технологии позволяют даже из такого материала получить результат.

Зорин продолжал работать, не замечая состояния Артема. А тот стоял, вцепившись в край стола, и пытался вспомнить: были ли у него на руках царапины? Кажется, нет. Или были? Он не помнил. Он не помнил ничего.

— А это интересно, — Зорин вдруг остановился. — Смотри-ка.

— Что?

— У жертвы в кулаке что-то зажато. Я сначала не заметил. Сейчас...

Он осторожно разжал оочеченевшие пальцы Крота. В ладони лежал маленький предмет.

— Пуговица, — сказал Зорин. — Металлическая. С гравировкой. Похоже, от форменной одежды. Может, от пальто. Может, от куртки.

Он поднес пуговицу к свету.

— Тут буквы. «А. К.». Слушай, Ковалев, а ведь это твои инициалы. У тебя ничего не оторвано?

Артем опустил глаза на свою куртку. Все пуговицы были на месте. Но он знал — где-то дома, в шкафу, висит старая форменная куртка, которую он не носил уже года два. Он не помнил, все ли пуговицы на ней.

— Нет, — сказал он. — Всё цело.

— Ну, мало ли. Инициалы-то не уникальные. Мало ли А. К. на свете? Александр какой-нибудь, Алексей... — Зорин положил пуговицу в пакет для улик. — Ладно, это к делу. Пусть эксперты разбираются.

Артем смотрел на пакет с пуговицей и чувствовал, как петля на его шее затягивается всё туже.

Он убил Крота. Он оставил пуговицу. И теперь единственная ниточка, которая связывала его с жертвой, лежала на столе патологоанатома.

«Надо ее забрать», — подумал он и сам испугался этой мысли.

Забрать улику. Уничтожить. Замести следы.

Кто он после этого? Убийца, скрывающий преступление? Или следователь, пытающийся спасти себя от несправедливого обвинения?

— Ковалев, ты чего? — Зорин помахал рукой перед его лицом. — Совсем поплыл. Иди-ка на воздух, от тебя тут никакого толку.

— Да, — Артем с трудом разлепил губы. — Пойду.

Он вышел в коридор и прислонился спиной к холодной стене. Сердце колотилось. В висках стучало. Перед глазами плыло.

Где-то там, за стеной, лежала пуговица с его инициалами. И частицы его кожи под ногтями убитого.

Если экспертиза даст результат — ему конец. Если он украдет улику — он перейдет черту, после которой возврата уже не будет.

Он закрыл глаза.

И когда открыл их снова, прошло пятнадцать минут. Провал. Снова.

Артем посмотрел на свои руки. Никакой пуговицы. Никакого пакета. Он ничего не украл.

Или украл, но уже забыл об этом?

Он никогда не узнает.

Часть 3.2 — Третий труп и третий ключ

Через час они сидели в кабинете Рогова и раскладывали материалы трех убийств на столе.

— Давай системно, — Рогов достал маркер и подошел к белой доске, висевшей на стене. — Три жмура за три месяца. Все — бывшие информаторы. Все убиты одинаковым способом: множественные удары тупым предметом по голове. У каждого в кармане что-то, связанное с тобой или с аварией.

Он начал писать на доске:

Жертва №1 — Виктор Сомов, кличка «Сом».

Найден: 15 августа, стройка в Заречье.

В кармане: детский рисунок. На рисунке — машина, две фигурки и солнце. Подпись печатными буквами: «СОНЯ».

Связь с Ковалевым: был информатором по делу о контрабанде три года назад.

Жертва №2 — Андрей Зубов, кличка «Зуб».

Найден: 20 сентября, коллектор у Речного вокзала.

В кармане: фотография Анны Ковалевой. Старая, черно-белая, из тех, что печатали в фотоателье. На обороте надпись: «Прости».

Связь с Ковалевым: информатор по делу о крышевании рынков. Исчез четыре года назад.

Жертва №3 — Игорь Малышев, кличка «Крот».

Найден: сегодня, 3 ноября, склад на Сортировочной.

В кармане: визитка Ковалева + клочок бумаги с номером серой фуры.

На стене: надпись кровью «КОГДА ВСПОМНИШЬ — БУДЕТ ПОЗДНО».

Рогов отложил маркер и повернулся к Артему:

— Это не просто серия. Это кто-то играет с тобой. Собирает пазл из твоего прошлого и методично убирает всех, кто может что-то рассказать.

— Или я, — тихо сказал Артем.

В кабинете повисла тишина. Рогов замер с маркером в руке.

— Что ты сказал?

— Это я. Это я их убил.

Рогов медленно опустился на стул. Его красное лицо побледнело, и он выглядел сейчас не как грузный опер, а как растерянный старик.

— Ковалев, ты чего несешь? Ты понимаешь, что...

— У меня провалы в памяти. После аварии. Иногда я теряю часы. Иногда — целые ночи. Сегодня ночью я очнулся на складе. Рядом был труп Крота. В моей руке была монтировка.

— Монтировка? Где она сейчас?

— На крыше склада. Я бросил ее там.

Рогов вскочил и схватил телефон.

— Сейчас я позвоню экспертам. Они проверят отпечатки. И если твоих там нет — ты просто псих, который напридумывал себе вину.

— А если есть?

Рогов не ответил. Он набрал номер и быстро проговорил в трубку:

— Алло, экспертиза? Рогов беспокоит. На складе, на крыше, должна быть монтировка. Да, срочно. Проверьте на отпечатки и ДНК. Сравните с образцами Ковалева. Что значит «зачем»? Делай, мать твою!

Он бросил трубку и уставился на Артема.

— Если ты это сделал... Ковалев, ты понимаешь, что мы сейчас делаем? Мы сами себе роем яму.

— Я должен знать правду.

— Правда может посадить тебя на пожизненное. Или в психушку. Ты этого хочешь?

Артем посмотрел на фотографию Анны и Сони, которую носил во внутреннем кармане пиджака. Он не помнил, как достал ее. Просто она оказалась в его руке.

— Я хочу понять, кто убил мою семью. И если это был я... значит, я должен ответить. Хотя бы перед ними.

Часть 3.3 — Вечер. Катя

Вечером он снова пришел в «Темп».

Кофейня уже закрывалась. Катя мыла стойку и напевала что-то под нос — какой-то старый панк-рок, который Артем смутно помнил по девяностым. Она была в черной футболке с логотипом группы, которую он не знал, и джинсах с дырками на коленях.

— О, блудный следователь вернулся, — она выключила воду и вытерла руки о передник. — Будешь кофе или уже просто так?

— Просто так.

— Ого. Это серьезно. Обычно ты пьешь кофе литрами. Садись, рассказывай.

Он сел за столик у окна. Она принесла две чашки — себе чай, ему всё равно кофе, черный, без сахара.

— Ты сегодня странный, — сказала она, усаживаясь напротив. — Я же вижу. С утра был дерганый, сейчас вообще как мертвец.

— Ты была права. Про труп на Сортировочной.

— Я всегда права. Это мое проклятие. И что там?

— Убийство. Жесткое. Ты, кстати, не слышала ничего ночью? Ты же живешь недалеко оттуда.

Катя отвела взгляд. Всего на секунду, но Артем заметил.

— Ночью я спала. Одна, если ты намекаешь.

— Я не намекаю. Просто спрашиваю.

— Нет, не слышала. А что, есть свидетели?

— Один бомж. Но он путается в показаниях.

Катя отпила чай и посмотрела на него поверх чашки. Ее глаза блестели в полумраке кофейни — она выключила основной свет, оставив только лампу над стойкой.

— Артем, можно вопрос?

— Задавай.

— Ты когда-нибудь думал, что это ты?

Он замер. Чашка с кофе застыла на полпути к губам.

— Что — я?

— Ну, эти убийства. Я читала про них. Три трупа, все связаны с тобой. Твои информаторы, твои дела. Ты не думал, что... может, у тебя диссоциативное расстройство или что-то вроде?

— Откуда ты знаешь про три трупа?

Она моргнула.

— Ты сам рассказал.

— Когда?

— На прошлой неделе. Мы были у тебя, ты выпил виски и начал говорить. Ты сказал, что кто-то убивает твоих информаторов и подбрасывает улики против тебя. А потом ты сказал фразу, которая меня напугала.

— Какую фразу?

— Ты сказал: «Катя, а что если это я? Что если я убиваю их и не помню?»

Артем молчал. В висках стучало. Он не помнил этого разговора. Совершенно. Как и многого другого.

— Ты мне не веришь? — спросила она тихо.

— Я тебе верю. Я просто... не помню.

— Вот именно. Ты не помнишь. И это самое страшное.

Она протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей. Ее пальцы были теплыми, а его — ледяными.

— Артем, я хочу тебе помочь. Но ты должен быть со мной честным. Полностью. Расскажи мне про аварию. Расскажи, что случилось на самом деле.

Он открыл рот, чтобы ответить. И в этот момент его телефон зазвонил.

На экране высветился номер Рогова.

— Да?

— Ковалев, срочно приезжай. Мы нашли монтировку. На ней отпечатки. И еще кое-что.

— Чьи отпечатки?

Тишина в трубке. А потом голос Рогова, уставший и какой-то чужой:

— Твои, Артем. Только твои.

Что заложено во 2-й главе:

Осмотр места преступления показан глазами убийцы, который притворяется следователем — мощное психологическое напряжение.

Систематизация серии: три жертвы, три послания, неумолимое приближение к правде об аварии.

Признание Рогову: Артем больше не может носить это в одиночку. Появление сообщника/свидетеля в лице напарника.

Разговор с Катей: она роняет бомбу — он уже обсуждал с ней свои страхи, но забыл об этом. И ее вопрос про аварию подводит нас к следующей главе.

Клиффхэнгер: отпечатки подтверждены. Теперь и Рогов знает правду.

Глава 4. Отпечатки

Часть 4.1 — Звонок

Артем положил телефон на стол экраном вниз.

Катя всё еще держала его за руку. Ее пальцы были теплыми, живыми — единственное живое тепло в этом промерзшем ноябрьском мире. Он смотрел на их переплетенные руки и думал, что через месяц, через неделю или даже завтра эти руки будут давать показания против него.

— Кто звонил? — спросила она.

— Рогов. Напарник.

— И что он сказал?

Артем высвободил руку — медленно, чтобы не обидеть. Поднялся. Бросил на стол купюру — слишком крупную для кофе.

— Сказал, что мне нужно ехать. Срочное дело.

— Артем.

Он уже шел к выходу. Ее голос догнал его у двери:

— Ты опять врешь. И ты опять уходишь. Но я здесь. Я всегда здесь. Запомни это, когда решишь, что ты один.

Он толкнул стеклянную дверь и вышел в ночь, не оборачиваясь. Но ее слова застряли в голове, как заноза.

Я всегда здесь. Когда решишь, что ты один.

Если бы она знала, насколько он одинок. Если бы она знала, что монстр, которого он ищет, смотрит на него из зеркала каждое утро.

Часть 4.2 — Убежище Рогова

Рогов ждал его не в участке, а в гаражах за старым автовокзалом. Это было их «место» — еще с тех времен, когда они вместе работали под прикрытием и не могли встречаться на людях. Ржавые боксы, битое стекло под ногами и вечный запах бензина. Романтика оперской юности.

Гараж номер семнадцать. Свет внутри горел тусклый, от переноски на сорок ватт. Рогов сидел на деревянном ящике и курил. Рядом на верстаке лежал прозрачный пакет для улики, а в нем — монтировка. Та самая.

— Садись, — сказал Рогов вместо приветствия.

Артем сел на перевернутое ведро. Они помолчали минуту, глядя на орудие убийства, лежащее между ними.

— Рассказывай, — наконец произнес Рогов. — Всё. С самого начала. Без вранья.

— Я не знаю, с чего начать.

— Начни с аварии. Что на самом деле случилось на трассе М-4 пять лет назад?

Артем закрыл глаза. Перед внутренним взором сразу вспыхнул свет фар — слепящий, невыносимый. Он открыл глаза, но свет не исчез. Он всегда был где-то на периферии, ждал своего часа.

— Я вел машину, — сказал он глухо. — Мы возвращались от родителей Анны. Соня уснула на заднем сиденье. Анна... мы поссорились. Из-за какой-то ерунды. Я не помню из-за чего. Она сказала: «Останови, я выйду». Я не остановился. Я прибавил скорость.

Рогов молчал. Только огонек сигареты вспыхивал в полумраке.

— Дождь был сильный. Трассу размыло. Я вошел в поворот на скорости девяносто... или сто. Машину занесло. Удар. Переворот. Дальше — темнота.

— Фура. Ты всегда говорил про фуру.

— Фуры не было.

Тишина стала тяжелой, как бетонная плита.

— Не было фуры, — повторил Артем. — Это я придумал. Мой мозг придумал. Водитель фуры, который ослепил и скрылся... это был я сам. Я убил их, Илья. Своими руками. И тогда, пять лет назад, и сейчас.

Рогов поднялся, подошел к верстаку и взял пакет с монтировкой.

— Здесь только твои отпечатки, Ковалев. И кровь Крота. Плюс на рукоятке микрочастицы, которые совпадают с твоей ДНК. Экспертиза неофициальная — я попросил знакомого сделать в частном порядке. Но если это попадет в дело, ты — труп.

— Ты должен меня сдать.

— Должен? — Рогов вдруг швырнул пакет обратно на верстак. — Ты думаешь, это так работает? Ты — мой напарник. Ты был моим другом еще до того, как всё это дерьмо случилось. Ты крестил моего пацана, забыл?

Артем опустил голову. Он помнил. Вадим, сын Рогова, сейчас уже подросток. Когда-то он держал его на руках в церкви, а Анна стояла рядом и улыбалась.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. — Я не контролирую это. Я ложусь спать одним человеком, а просыпаюсь другим.

— Давно это у тебя?

— После аварии. Сначала просто провалы на несколько минут. Потом на часы. Теперь — на целые ночи. Я думал, это просто стресс. Посттравматическое. А потом случился Сом.

— Первый труп. Август.

— Да. Я пришел в себя на стройке. Весь в крови. Рядом тело Сома. Я не помнил, как убивал его. Но я знал, что это сделал я. И я ушел. Просто ушел, как трус, и ждал, что меня найдут. Но не нашли.

— А Зуб?

— То же самое. Коллектор. Я очнулся в воде. Воняло тинной и мертвечиной. Зуб лежал лицом вниз. В его кармане я нашел фотографию Анны. Это я ее туда положил, Илья. Это я оставляю себе послания. Я играю сам с собой.

Рогов подошел к нему и опустился на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Слушай меня, Ковалев. Ты — не убийца. То есть, ты убил, да. Но это не ты. Это болезнь. Это травма. Твой мозг сломался, и его нужно чинить. Есть врачи, есть психушки, есть что угодно. Но нельзя просто сдаться и ждать, пока ты убьешь еще кого-нибудь.

— А если я убью тебя?

— Не убьешь. Я живучий. И вообще, — он криво усмехнулся, — у меня есть мотивация не сдохнуть. Жена, пацан, дача в кредит. Так что давай без самодеятельности.

Артем не ответил. Он смотрел на монтировку в пакете и думал о том, что каждое убийство приближало его к чему-то. Как будто он — не просто безумец, а человек, который подсознательно расследует собственное прошлое. Сом, Зуб, Крот... Почему именно они?

— Что они знали? — спросил он вслух.

— Кто?

— Информаторы. Все трое. Они что-то знали об аварии. Что-то, что я хотел от них получить. И когда они говорили — или не говорили — я убивал их и забирал «напоминание». Рисунок Сони. Фото Анны. Номер фуры, которой не существует.

— Ты думаешь, есть что-то, чего ты не знаешь об аварии?

— Я думаю, — медленно произнес Артем, — что авария была не просто аварией.

Рогов нахмурился:

— В смысле?

— Я не знаю. Но если мое подсознание убивает людей, чтобы докопаться до правды... значит, правда страшнее, чем я думаю.

Они замолчали. В гараже было слышно, как где-то капает вода и шуршат крысы под полом.

— Что будем делать? — спросил наконец Рогов.

— Ты отвезешь меня к психиатру. Завтра же. А пока... я хочу посмотреть на номер фуры. Тот, что был у Крота.

Рогов достал из папки пластиковый файл с клочком бумаги. Номер был написан шариковой ручкой, корявым почерком: А777МР 177.

— Это не номер фуры, — сказал Артем, вглядываясь в цифры. — Это номер машины. Легковой.

— Ты уверен? Откуда ты знаешь?

— Потому что это номер моей первой машины. Я продал ее за год до аварии. Крот знал об этом. Он хотел мне что-то сказать через этот номер.

— Или ты сам хотел себе что-то сказать.

Артем кивнул. Он поднялся и взял пакет с монтировкой.

— Ты куда? — напрягся Рогов.

— Уничтожу. И поеду домой.

— А завтра?

— Завтра я пойду к врачу. А еще завтра я найду того, кто купил мою старую машину. И узнаю, почему ее номер всплыл через пять лет после аварии.

Он направился к выходу из гаража. Рогов догнал его уже у двери:

— Ковалев!

— Что?

— Если ты опять отключишься... если почувствуешь, что теряешь контроль... звони мне. В любое время. Я приеду и свяжу тебя, если понадобится. Понял?

Артем посмотрел на старого друга. В тусклом свете переноски Рогов выглядел постаревшим и уставшим, но в его глазах была решимость.

— Понял. Спасибо, Илья.

— Не за что. Иди уже.

Часть 4.3 — Флешбек: День аварии

Пять лет назад. 12 ноября. Трасса М-4 «Дон».

Он помнил не всё. Но то, что помнил, было ярким, как вспышка магния.

Запах мокрого асфальта. Анна сидит справа, отвернувшись к окну. Она плачет. Нет, не плачет — уже выплакалась. Теперь просто смотрит на пролетающие мимо деревья и молчит. Это хуже, чем слезы. Слезы можно вытереть, а молчание — оно как стена.

«Аня, ну прости. Я идиот. Я не должен был...»

«Ты не идиот. Ты просто не умеешь слушать».

«Я слушаю».

«Нет. Ты слышишь только себя. Ты всегда слышал только себя».

Соня спит на заднем сиденье. Он видит ее в зеркале заднего вида — маленький сверток в розовой курточке, плюшевый медведь выпал из рук и лежит на полу. Радио тихо играет что-то из девяностых, он не помнит, что именно.

Дождь усиливается. Дворники не справляются. Фары встречных машин расплываются в мутные пятна. Он прибавляет скорость — назло ей, назло себе, назло всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.